

„СТИХИ К БЛОКУ“ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

ДЕДЮХИНА Л. Н.

Тебя, как верную любовь,
России сердце не забудет.

(После Пушкина . . . вся Россия могла
сказать только Блоку).

М. Цветаева¹

Поэт, творчество поэта — одна из основных тем Марины Цветаевой. В стихах, прозе, статьях обращалась она к другим поэтам, в основном, своим современникам —

А н н е А х м а т о в о й :

О муза плача, прекраснейшая из муз!
О ты, шальное исчадие ночи белой! . . .²

О с и п у М а н д е л ь ш т а м у :

. . . Я знаю, наш дар — неравен.
Мой голос впервые — тих.
Что вам, молодой Державин,
Мой невоспитанный стих.
или:

Ты запрокидываешь голову —
Затем, что ты гордец и враль . . .
Какого спутника веселого
Привел мне нынешний февраль!

В л а д и м и р у М а я к о в с к о м у :

Превыше крестов и труб,
Крещенный в огне и дыме,
Архангел-тяжелоступ —
Здорово, в веках Владимир!

Борису Пастернаку:

Не суждено, чтобы сильный с сильным
Соединились бы в мире сем . . .

или:

Рас-стояние: версты, мили . . .

Нас рас-ставили, рас-садили . . .

И за каждым стихотворением мы чувствуем восхищение „даром“ поэта, для каждого находится „тайный жар“ сердца самой Марины Цветаевой, особая интонация. Но к Александру Блоку у нее было особое отношение — „сплошная совесть“, „явное торжество духа“, — называла она поэта. О смерти его Марина Цветаева писала: „Смерть Блока — громовой удар по сердцу . . .”³; „Смерть Блока я чувствую как вознесение. Человеческую боль свою глотаю. Для него она окончена, не будем и мы думать о ней (отождествлять его с ней). Не хочу его в гробу, хочу его в зорях”⁴.

I

„Стихи к Блоку” создавались в 1916—1922 гг. (были начаты при жизни поэта и закончены уже после его смерти), оформлены как цикл в 1922 году.

Каждая часть цикла строится как законченное лирическое произведение. Первое стихотворение „Имя твое — птица в руке...” представляет собой „круги ассоциативных образов”, вызванных **именем** поэта. Можно отметить интересную последовательность их: первая строфа — это как бы „вчувствывание”⁵ в имя поэта, Марина Цветаева „пробует” это слово всеми чувствами: „птица в руке”, „льдинка на языке”, „серебряный бубенец во рту”, „одно-единственное движение губ”, „пять букв (т. е. включают и глаза).

Вторая строфа — это „вслушивание”:

Камень, КинуТый В ТиХий Пруд
ВсХлипнеТ ТаК, КаК Тебя зовут.
В леГКом ЩелКанье ноЧных КоПыТ

(и на фоне трех т и х и х⁶ стихов, как раскат грома:)

Громкое имя твое Гремит.

О „вслушивании” говорит и лексический отбор слов: зовут, всхлипнет, щелканье, гремит, назовет, звонко щелкающий, громкое, тихий.

Третья строфа — это переход от чисто акустических образов к образам, вызывающим в нашей памяти „музыку” блоковских стихов:

Имя твое — поцелуй в глаза,
В нежную стужу недвижных век.
Имя твое — поцелуй в снег.

Имя твое — поцелуй в снег.
С именем твоим — сон глубок.
Последнее слово стихотворения не явно, но называется имя:

Г Л У Б О К
к Б л о к у

Такой же законченностью характеризуется второе стихотворение. Оно, как и многие цветаевские стихи, строится в форме монолога, обращенного к любимому поэту:

Нежный призрак,
Рыцарь без укоризны,
Кем ты призван
В мою молодую жизнь?

Обращения (образы „Стихов о Прекрасной Даме”) вводят нас в „стихию Александра Блока”⁷: „во мгле — сизой Стоишь, ризой Снеговой одет”; „То не ветер гонит меня по городу”, „голубоглазый... снеговой певец”; „Снежный лебедь Мне под ночи перья стелет. Перья рсют И медленно никнут в снег”; „Он поет мне За синими окнами, Он пост мне Бубенцами далекими...” Наличие блоковских образов не обозначает текстуального совпадения. Сравнение, например, снегопада со снежным лебедем сопоставимо со сравнением вьюги и птицы самого Блока („птица вьюги темнокрылой”):

Большие крылья снежной птицы
Мой ум метелью замели.

Однако в контексте стихотворения М. Цветаевой снежный лебедь сливается с образом снегового певца:

Он поет мне
За синими окнами,
Он поет мне
Бубенцами далекими,

Длинным криком,
Лебединым кликом —
Зовет.

Снежный лебедь, **поющий** (единственный раз перед смертью!), вводит тему смерти в это стихотворение:

Так, по перьям,
Иду к двери,
За которой — смерть!

Второе стихотворение цикла — это не только „блоковская стихия“, но и власть ее; это чары, под которые попадает читатель вместе с Мариной Цветаевой (кем ты призван...“; „чую ворога“ „меня сглазил снеговой певец“); это „отзывчивость на зов“ — не случайно в тексте так выделено слово **з о в е т** — это как бы ответ на „далекий зов другой души“:

Так—белых птиц над океаном
Неразлученные сердца
Звучат призывно за туманом
Понятным им лишь до конца⁸.

Наконец, это и попытка освободиться от очарованности:

Милый призрак!
Я знаю, что все мне снится.
Сделай милость:
Аминь, аминь, рассыпья!
Аминь!

Остановимся еще на одном (III) стихотворении. Когда говорят о „молитвенном“ отношении Марины Цветаевой к А. Блоку, имеют в виду прежде всего эту часть цикла — стихотворение „Ты проходишь на запад солнца“:

Восковому, святому лику
Только издали **поклонюсь**.

И под медленным снегом стоя,
Опустишь на колени в снег,
И во имя твое святое
Поцелую вечерний снег...

Об этом же свидетельствуют и обращения: „Божий праведник мой прекрасный, Свете тихий моей души“, „Свете тихий — святая славы — Вседержитель моей души“. Но **о б о ж е с т в л е н и е п о э т а**⁹ сочетается с „**б е р е ж е н и е м**“¹⁰его:

Я на душу твою — не зарюсь!

В руку, бледную от лобзаний,
Н е в о б ъ ю своего гвоздя.

И по имени не окликну,
И руками не потянусь.

Третье стихотворение, как и предыдущие, пронизано мотивами А. Блока: снег („и под медленным снегом стоя, Опущусь на колени в снег“, „поцелую вечерний снег“, „снеговая тишь“); метель („И метель заметает след“); распятие¹¹ („В руку... не вобью своего гвоздя“). Не случайно, по-видимому, использованы и слова молитвы „Свете тихий“¹² — как отзвук „Вечерней“ молитвы¹³ А. Блока („Солнце сходит на запад. Молчанье...“)...

(В рамках небольшой статьи нет возможности дать даже краткий анализ всех 16 стихотворений, поэтому мы переходим к рассмотрению некоторых вопросов, связанных с особенностями цикла в целом).

II

Марина Цветаева называла лирические стихи отдельными мгновениями одного движения, движения в прерывности.¹⁴ Цикл стихов и является таким „движением в прерывности“ — несмотря на относительную законченность каждого стихотворения, полной законченностью обладает только целое (цикл), и каждая отдельная часть его только в контексте цикла приоткрывает глубины смысла. Так, первое стихотворение „Имя твое — птица в руке...“ перестает быть только кругом ассоциаций, связанных с именем А. Блока, но становится и своего рода увертюрой, намечающей основные мотивы цикла:

- поэт (имя твое“);
- смерть („всхлипнет“, „Назовет его нам в висок Звонко щелкающий курок“, „стужу недвижных век“);
- холод („снег“, „льдинка“, „стужа“), связанный с мотивом смерти;
- сон („сон глубокий“);
- тройка („серебряный бубенец“, „щелканье ночных копыт“);
- отношение к поэту („Имя твое — ах, нельзя! Имя твое — поцелуй в глаза“).

Каждое слово первого стихотворения, подготавливает основные мотивы, настроения всего цикла. Сопоставим для примера только два первых стихотворения:

I:

II:

имя

нежный призрак, милый призрак,

птица

Рыцарь без укоризны

серебряный бубенец

снежный лебедь

снег

„поет мне бубенцами далекими“

„ризой снеговой одет“, снеговой

льдинка, ледяной . . . глоток
зовут, назовет
голубой глоток

сон глубок

певец, снежный лебедь
„нежная стужа недвижных век”
зовет
голубоглазый . . . певец
за синими окнами,
„все мне снится”.

Не только отмеченная лексическая переключка, но и почти незаметный переход от первого стихотворения („сон глубок”) ко второму („Нежный призрак” — как бы обращение во сне, что подтверждает и конец стихотворения: „Я знаю, что все мне снится”) — подчеркивает единство „движения” как поэтической мысли, так и цикла. Такой же „мостик” перекинут от второго стихотворения к третьему: последняя нота второго (аминь, аминь . . .) сливается с молитвой третьего (Ты проходишь на запад солнца); от УШ: „Имя твое, звучащее словно: ангел” — к IX-му: „Как слабый луч сквозь черный морок адов, Так голос твой . . .”; от IX-ого: „Предстало нам — всей площади широкой! — Святое сердце Александра Блока” — к X-му: „Вот он — гляди — уставший от чужбин . . .”; конец X-го: „Друг без друзей” — и начало XI-го: „Други его!”

П р и з р а к (нежный, милый¹⁵) второй части подготавливает к появлению образа поэта в третьей: „бесстрастного”, „с восковым, святым ликом”, п р о х о д я щ е г о „в снеговой тиши” „поступью величавой” „на запад солнца” (отсюда затем: „гробовая тишь”). Такое изображение Александра Блока в стихах не случайно, как не случайно и то, что стихотворение о смерти поэта „Думали — человек. И умереть заставили” Марина Цветаева написала в 1916 году — за пять лет до его настоящей смерти. В письме к Анне Ахматовой в августе 1921 года писала: „Удивительно не то, что он умер, а то, что жил. Мало земных примет, мало платья. Он как-то сразу стал ликом, заживо-посмертным (в нашей любви). Ничего не оборвалось, — отделилось. Весь он такое явное торжество д у х а, такой воочию д у х, что удивительно, как жизнь — вообще — допустила.”¹⁶

Образ поэта, созданный в цикле, опережает, но и подтверждает этот вывод. Проследим за движением образа в разных стихотворениях цикла:

- I: и м я твое;
- II: призрак, рыцарь, снеговой певец, снежный лебедь;
- III: „Божий праведник мой прекрасный, свете тихий моей души”;
„Свете тихий — святая славы — Вседержитель моей души”;
- IV: и м я твое;
- У: Радость моя;
- VI: мертвый ангел, „крылья его поломаны”, мертвый певец, Солнце, Светоносный;
- УШ: и м я твое, ангел¹⁷;
- IX: некий серафим, „святое сердце Александра Блока”. Только в IX стихотворении „Как слабый луч сквозь черный морок адов” . . . , написанном 9 мая 1920 года (в день, когда М. Цветаева слушала Блока в Политехническом музее), появляются отдельные конкрет-

ные черточки Блока-человека: „оповещает г о л о с о м г л у х и м”, „И вдоль виска — потеряннм перстом — всё водит, водит...”.

- X: вождь без дружин, князь без страны, друг без друзей: тема одиночества поэта даже „на площади широкой” — это развитие темы IX стихотворения: „Так, узником с собой наедине...”. В таком контексте иное значение получает и самый первый стих цикла: „Имя твое — птица в руке”, и дальше: „пойманный на лету”.
- XI: „плечи сутулые гнулись от крыл” (ср.: ангел в У и УШ стихотворениях), „лебедем душу свою упустил” ср. во II: „снежный лебедь”). Тема смерти начинает сливаться с темой поэта:
- XII: крик лебединый, „рваные ризы, крыло в крови” (во II: „стоишь ризой снеговой одет”), „взлет осиянный”;
- XIII: переломленное крыло, грудь простреленная, „изуродованный ходил”;
- XIV: рот-его-рана; очей синеватый свинец, „огромную впалость висков твоих вижу опять”;
- XV: „височные ямы: Бессонная совесть” (Слово совесть в цикле не случайно: М. Цветаева называла А. Блока „сплошной совестью”), „Пустые глазницы: Мертво и светло. Сновидца, всевидца Пустое стекло”;
- XVI: „Всем отданы герой и царь, Всем — праведник — певец — и мертвый”.

Мотив Блок в цикле не сводится только к обращениям (и обращенности всего цикла) и штрихам, деталям¹⁸, которыми намечен образ поэта. Этот мотив переплетается с „блоковскими мотивами”:

холода¹⁹ ветра, метели, снега: „ветер гонит меня по городу”; „ризой снеговой одет”, „и метель замечает след”, „и под медленным снегом стоя, опущусь на колени в снег”, „Вещи евьюги кружили вдоль жил”, „А над равниной — вещая вьюга”, „замораживая закаты” и т. д.

ночи и тишины: „щелканье ночных копыт”, запад солнца”, „на закате дня”, красота вечерняя, черный морок адов; „тихий пруд”;

музыки — „снеговой певец”, он поет мне За синими окнами, Он поет мне Бубенцами далекими, Длинным криком, Лебединым кликом Зовет”, „колокола звонят”, „пел красоту вечернюю”, „и вновь бубенцы поют”, „поет и поет смерть”, по свист перепелов, волны колоколов;” в певчую прорезь”, „крик лебединый”, „пророческий певчий камыш”, „серебряным звоном полна”, пою — своей отчизны рану”, „другая — радуется хороу”;

гибели, смерти: „Умереть заставили. Умер теперь. Навек. — Плачьте о мертвом ангеле; мертвый лежит певец”. Далее приводим слова и

словосочетания, относящиеся к данному семантическому полю: смерть, смертных (6), черный морок адов, Аид, умереть (3), душу свою упустил, гробовой (2), мертвый (5), усопший, сон (11), спишь (2), проспишь (2), веки ввалились темные; в нежную стужу недвижных век, рот-сго-рана, крылья его поломаны, рваные ризы, крыло в крови, лежишь (5), судороги, курок, крест, не вобью своего гвоздя, голова плыла, кровь, пилой, грудь простреленная навyleт, навек, пули, прости, рокот рвущихся снарядов, расстрельщики; падай же, падай же, тяжкая медь; черный читает чтец; всхлипнет, вопль, плачь/плачьте и т. д.²⁰

Каждому из этих мотивов противостоит „контрастный”²¹ мотив: холод жизни, мрак — и жар сердца поэта („И сладкий жар, и такое на всем сиянье . . .”; „Шли от него лучи — Жаркие струны по снегу . . .”, „Три восковых свечи — Солнцу —то! Светоносному”, „В певчую прорезь, в запекшийся пыл — Лебедем душу свою упустил”); тишина ночи, глухота тех, кто не слышит музыки — и „громкое имя твое гремит”; музыка (см. выше): „пел красоту вечернюю”, „губы, кричавшие слово «ответь!»”, причем это сопоставление решается не столько лексически, сколько звукописью; сон²² — и бессоница („всей бессоницей я тебя люблю”); гибель — и воскресение, бессмертие: „Мертвый лежит певец И воскресенье празднует”; „Над окаянной — Взлет осиянный”, „Русь — Пасхою к тебе плывет”.

Блоковские образы, мотивы не повторение Блока, а обновление, преобразование, поскольку в „новой словесной форме”, в новом „языковом и смысловом соседстве”, окрашенные новой (цветаевской) интонацией, „то есть чувством”²³, чувством любви прежде всего — все это служит тем материалом, из которого возникает образ Александра Блока.

Даже в тех случаях, когда стихи А. Блока и М. Цветаевой совпадают чуть ли не цитатно, они все равно остаются цветаевскими — по мысли, чувству, интонации, ритму:

А. Блок:

Ты в **синий плащ** печально
завернулась
В сырую **ночь** ты из дому ушла.
„Возмездие”

Весны, дитя, ты будешь ждать —
Весна обманет.
Ты будешь солнце на небо звать —
Солнце не встанет.
„Голос из хора”

М. Цветаева

Как нас любил, слепых и
безымянных
За синий плащ, за вероломства-
грех . . .
И как нежнее всех — ту,
глубже всех
В ночь канувшую — на дела
лихие! (IX)

. . . И еще о том,
Какие дни нас ждут, как бог
обманет,
Как станешь солнце звать — и
как не встанет . . . (IX)

Кругом о злате иль с хлебе
Народы шумные кричат . . .

И толк о немце, доколе не
надоест . . . (УЩ)

„Душа молчит. В холодном небе . . .”

Можно отметить родственное отношение Блока и Цветаевой к некоторым темам, например, Р о с с и и :

Опять, как в годы золотые
Три **стертых** треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В **расхлябанные** колем . . .

Должно быть — за той роцей
Деревня, где я жила,
Должно быть — любовь проще
И легче, чем я ждала.

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!

— Эй, **идолы, чтоб вы сдохли!**
Привстал и занес кнут,
И окрику вслед — охлест,
И вновь бубенцы поют.

„Россия”

Над валким и жалким хлебом
За жердью встает жердь . . .
(УII и УIII стих.)

Одинаково „заземленными” оказываются неназванные образы тройки (ср. с тройкой Н. В. Гоголя).

В цикле все оказывается связанным с центральным образом — образом Поэта; даже такие, казалось бы, незаметные слова, как *идти*, *проходить*, *стоять* являются художественно значимыми у М. Цветаевой (также и у А. Блока²⁴), и не только слова, но и значение, точнее, движение форм времени: (ты) проходишь на запад солнца, пройдешь в снеговой тиши, ты прошел гробовой тиши (проходишь — пройдешь — прошел; см. другой пример: умереть заставили — умер — мертвый ангел; проходил, одинок и глух;

(я) стою с опущенной головой; иду к двери, за которой смерть; „Великим обходом *По*йду по российской земле. Полночные страны *Пр*ойду из конца и в конец” и т. д. У глаголов *идти*, *пойти* нет значения окончательного ухода, которое включает в себе глагол *проходить*, и значения „разминовения” с Поэтом, „невстречи” с ним (проходишь . . . „*мимо окон моих*”).

Поскольку, как отмечалось выше, цикл представляет собой *монолог* (по-цветаевски страстный — до „безмерности”; „Схватить его! Крепче! Любить и любить его лишь!”; „Рвануть его! Выше! Держать! Не отдать его лишь!”), — постольку организующим началом цикла является и со-противопоставление (ты) и (я). В нашем частотном словаре „я” (во всех формах) отмечено 36 раз, причем чаще всего именно в формах косвенных падежей (гонит *м е н я*, поет *м н е* и т. д.), тогда

как „ты” — 66 раз (сюда мы относим и местоимение о н: „Он на закате дня Пел красоту вечернюю . . .”).

Монолог, обращенный к Поэту, есть выражение любви, в нем нет места и м, не понимающим стихов, не слышащим голоса Поэта:

Думали — человек!
И умереть заставили. (VI)

Черный читает чтец,
Топчутся люди праздные . . . (VI)

— полная безликость (контрастная лику Поэта) и безличность (местоимения 3-го лица мн. ч. в тексте отсутствуют); за этой безликостью та самая чернь (XIII), вечный враг всякой Поэзии:

Он на закате дня
Пел красоту вечернюю.
Три восковых огня
Треплются суверные.

Шли от него лучи —
Жаркие струны по снегу.
Три восковых свечи —
Солнцу-то! Светоносному!

Художественно значимой в цикле „Стихи к Блоку” является и „высокая простота” цветаевского стиля — столкновение высокой лексики со сниженной. Тема Поэта решена в „высоком ключе”: поэтизмы (лобзание, лик, перст, вещей, восславить, дарую); церковная лексика, что естественно, так как в основе сюжета — библейский мотив воскресения: бог, венец, грех, крест; архаизмы и устаревшие формы: свете тихий, святые славы; книжная лексика: призван, повелевшего, потерянным, переломлено, покровенной и т.д.

Переход же ко всему, что не-Поэт, не-Поэзия, то есть к тем частям цикла, в которые врывается мир, почти всегда бывает подчеркнуто резким, ср.:

от молитвы „Ты проходишь на запад солнца” (III)

к IV: „Зверю — берлога, Страннику — дорога, Мертвому — дроги.

Каждому — свое”; от многокрасочного „У меня в Москве — купола горят” (со звоном колоколов, блеском куполов, с „зарей в Кремле”) к: „Думали — человек. И умереть заставили.” Такой переход подчеркнут всеми возможными средствами: лексически (минимум), синтаксически (неполнотой, свойственной Быту, а не Бытию), ритмически, интонационно и т. д.

Если первое стихотворение цикла, посвященного Поэту, его смерти, гибели и его воскресению (=бессмертию его поэзии: „Крылья извели право: лететь! Губы, кричавшие слово: ответь! Знают, что этого нет — умереть!”), можно считать прологом, который вводит нас в цикл и в котором намечены темы Поэта и его ухода, то в послед-

нем (XVI — эпилоге) звучит тема вечной жизни А. Блока в памяти России, тема бессмертия его поэзии:

... Всем отданы герой и царь,
Всем — праведник — певец — и мертвый.

Днепром разламывая лед,
Гробовым не смущаясь тесом,
Русь — Пасхою к тебе плывет,
Разливом тысячеголосым.

Так, сердце, плачь и славословь!
Пусть вопль твой — тысяча который? —
Ревнует смертная любовь.
Другая — радуется хору.

СНОСКИ:

1. М. Цветаева. Герой труда (Записки о Валерии Брюсове). в кн. „Проза“. Изд-во Чехова, Нью-Йорк, 1953.
2. Стихи Марины Цветаевой приводятся по книге; Марина Цветаева. Избранные произведения. Большая серия Библиотеки Поэта (ББП), М.-Л., 1965.
3. М. Цветаева. Герой труда (см. прим. 1).
4. Из письма Анне Ахматовой (авг. 1921). Цит. по книге М. Цветаева. Изб. произв., стр. 495.
5. См. стихотворение М. Цветаевой „Так вслушиваются“... Избр. произв., стр. 237.
6. Это подчеркивается звукописью: во II строфе глухих звуков в 4 раза больше, чем в I и в 1,5 раза больше, чем в III.
7. Стихия Александра Блока
Метель, вздымающая снег. (Бальмонт).
8. А. А. Бл о к. Собрание сочинений в 8 тт., М.-Л., „Худ. литература“, 1960, т. I, стр. 78: стихотворение „Душа молчит. В холодном небе...“. В дальнейшем стихи А. Блока приводятся по указ. соч.
9. Именно поэта. Об отношении к церкви М. Цветаева писала: „Всю жизнь не связана с церковью, я — не, в н е церковна, т. е. чувствую себя хорошо возле, в ограде, в притворе, кругом да около, мимо, — и скверно, неуместно — в, особенно во время службы... отчуждение, несвойственность“... (Ар. Ц.) Цит. по кн. М. Цветаева. Избр. произв., прим. на стр. 727. А также: „... Я совсем не верю в существование бога и загробной жизни... Полная невозможность природы — молиться и покоряться. Безумная любовь к жизни, судорожная, лихорадочная жажда жить“ (ЦГАЛИ) — там же, стр. 733. „Молитесь“, поклоняется Марина Цветаева — Поэту.
10. В статье „Герой труда“ (см. прим. 1), говоря о своих „невстречах“ с большими поэтами, Марина Цветаева писала: „Больших я в жизни всегда обходила, о к р у ж а л а, как планета планету. Прибавлять к их житейской и душевной обременности еще гору своей любви? Ибо, если не для любви — для чего же еще встречаться? На другое есть книги. И если не гора (беру во всех ее измерениях) — то какая же любовь? В этой смеси бережения и гордости, в этом естественнейшем шаге назад при виде величия — разгадка к многим (не только моим, вообще людским, потому упоминаю) разминованиям. Беречь себя? От того, для чего в мир пришел? Нет, в моем словаре „бережение“ всегда — другого“...
И. См. А. А. Бл о к. „Осенняя любовь“:

... Когда палач рукой костлявой
Вобьет в ладонь последний гвоздь, —

Когда над рябью рек свинцовой,
В сырой и серой высоте,
Пред ликом родины суровой
Я закачаюсь на кресте...“ т. II, стр. 263.

12. Молитва „Свете тихий святых славы Безсмертного Отца, Небесного, Святого, Блаженного, Иисусе Христе! Пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний, поём Отца, Сына и Святого Духа...“
13. А. А. Бл о к. Указ. соч., т. I, стр. 316.
14. Из письма Б. Пастернаку. „Новый мир“, № 4, 1969, стр. 195.
15. Ср. с „призраками“ А. Блока: „Спаси меня от призраков неясных, Безвестный друг!“ (стр. 22), „Бродит призрак бледноликий На полях моей страны“ (стр. 85), „Он встанет, призрак беззаконий; „И черной ночью призрак белый ждет Других теней безмолвно и уныло“ (стр. 52); „заглянет мой белый призрак им в лицо“ (стр. 206.) и т. д. — т. I.
16. Марина Цветаева. Сочинения в двух томах. М., „Художественная литература“, 1980, т. I, прим., стр. 495.
17. Сближение и сопоставление снеговой певец и снежный лебедь (II), а также мертвый певец и мертвый ангел уравнивает их значе-

- ния. Т. о., ангел утрачивает собственно-библейское значение и заставляет вспомнить вадника-Гения, мужского воплощения Музы, на крылатом коне — символе поэтического вдохновения (см. Избр. произвед., стр. 767).
18. М. Цветаева — о стихах О. Мандельштама — писала: „Ассоциативная мощь лириков! (Характерная черта лирики: давая... яблоко, поэт не назвал его своим именем...)” М. Ц., Соч., т. 2, стр. 438. Статья „Поэты с историей и поэты без истории”. Эта черта дать, явить, не называя — характеризует и поэзию М. Цветаевой.
  19. Ср. в „Снежной маске” А. Блока — названия стихотворений: „Снежное вино”, „Снежная вязь”, „Настигнутый метелью”, „Сердце предано метели”, „На снежном костре”, а также в самих текстах: о снежных выюгах, ветер голубой, снежная мгла, нити снежные, скована льдами, снежные брызги, снег синей. глуби снежные, снеговая тишь, стихи зимы среброснежной, метели, выюга пела, бесцельный холод, вихри снежные, сын метели, песни выюги и т. д. Об особенностях циклов А. Блока „Снежная маска” и „Кармен” см. В. А. Сапогов. Поэтика лирического цикла Александра Блока. Канд. дис., М., 1967.
  20. Ассоциативно-тематические ряды слов, связанные с перечисленными мотивами, наиболее часты в цикле.
  21. „Меня можно вести только на контрастах, т. е. на всеприсутствии всего” — М. Цветаева.
  22. О значении слова сон у М. Цветаевой см.: Я поэт есть преданность его души неким снам, посещение поэтом неких снов, тайный источник не воли его, а всей его природы.
„Я” поэт есть „я” сновидца плюс я речетворца... все поэты столь схожи и столь несхожи. Схожи — ибо все без исключения видят сын. Несхожи — тем, какие сын видят...” (М. Ц. Соч., т. 2, стр. 425). То же в стихах:
О мир, пойми! Певцом — во сне — открыты
Закон звезды и формула стиха.
(ср. также с „творческими снами” А. Блока.)
  23. М. Цветаева. Соч., т. II, стр. 437.
  24. См. статью М. Д. Якубовской. Об одном глаголе в поэзии А. Блока. „Лингвистика и поэтика”, М., „Наука”, 1979, стр. 274—281.

• **MARINA CVETAJEVA**
BLOKHOZ ÍRT VERSEIKLUSA

GYEGYUHINA L. N.

Marina Cvetajeva sok verset, úgyszintén prózai művet és cikket szentelt a költő és a költészet témájának, sok művében fordul költőkortársaihoz. Anna Ahmatovához, Oszip Mandelstamhoz, Vlagyimir Majakovszkijhoz stb. Blokhoz viszont sajátos viszony fűzi: már-már vallásos tisztelettel áthatott szeretet. Hozzá írt verseit foglalta össze „Versek Blokhoz” című ciklusában (1916—1921).

Jelen cikk néhány olyan kérdést érint, amely az adott ciklus sajátosságaival kapcsolatos — minden egyes vers önmagában is befejezte egész, de ugyanakkor a ciklus szerves részét is képezi.

A cikk nyomon követi a versek néhány motívumát és rajtuk keresztül feltárja az a lírai tartalmat és alapeszmét, amely a ciklust egységes ~~egészé~~ teszi.